

Читать российскую литературу – удовольствие не слишком большое. Кто-то скажет, что «удовольствие» – не то слово. Но, с другой стороны, отчего же чтение обязательно должно быть самоистязанием? Мазохизма в нашей жизни и так достаточно. Сервис непритязательный, все не для человека, в этом плане литература не отстает от действительности. Тексты неряшливой сборки

(исключений почти не бывает), невнятного содержания (редкий читатель долетит до второй страницы), скоропортящиеся, малого срока годности (отрекламировали и забыли) – вот что такое российская литература сегодня.

Есть такая версия, что чтение – это труд. Но нынешние романы с рассказами не в расчете на это писаны. Удовольствие трудового чтения – такого российская литература подарить не в состоянии. Мудрости в ней не много, скроена на скорую руку. Какие тут усилия? Вместо труда все больше трудности – коряво написана, у иного автора поди разбери, что хотел сказать.

В конце каждого десятилетия принято подводить итоги и строить прогнозы относительно будущего отечественной литературы. Делалось это в конце девяностых, на исходе нулевых. Говорили мечтательно, вежливо предостерегали. Надеялись, ждали, верили. А выходило все то же: перманентная гибель толстых журналов, падение тиражей, потеря читателя. Литература для общества значила все меньше и меньше. Книгу в электричках сменили сперва газеты, потом сборники сканвордов. Кончилось смартфонами.

Про погибель литературы писали в рутинные годы. Про расцвет и обещания лучшего – в юбилейные. И вот, двадцать пять лет спустя, опять те же тасуемые песни: бурлацкая, горестная, и заздравная, торжествующая. Но если сложить и ту и другую – логика одна: «Спасибо, что мы живы!»

О литературе говорили исключительно в эстетической плоскости, разбирали тексты, обращали внимание на внутреннюю логику ее развития, считая главной фигурой в ней писателя. А это было не верно. Писатель перестал быть литературным генералом еще в советские времена. Не он заказывал музыку. Многие подзабыли: «Партия – наш рулевой!». Она была и заказчиком, и издателем,

и организатором сбыта, и популяризатором, пиарщиком литературной продукции. Нет, понятно, что всем этим занимались специально обученные люди. Но партия была той любовью, что двигала литературное солнце и светила.

Литературное хозяйство было устроено и организовано (как – это другой разговор), и писатель, освобожденный от вопросов неэстетического характера, выглядел на этом фоне властителем дум, занимался текстом, а не вопросами продвижения и маркетинга. Советский образ жизни снимал с повестки дня экономические вопросы, естественные для некоммунистического бытия литературы. Вожди думали за всех. От писателей требовалась идеологическая правота и художественное мастерство, в ее пределах, естественно.

Говорить сейчас о литературе, оставаясь лишь в пределах анализа и сопоставления текстов, несовременно и некорректно. Литература – феномен социальный, экономический. Видеть в ней одну только эстетику, движение слов и образов, забывая о деньгах и продажах, организации издательской деятельности и механизмах книготорговли, – означает смотреть на нее из глубины веков, архаично. Литература давно перестала быть храмом, превратилась в мастерскую. Тексты пишут не по велению муз, а штампуют один за другим, как детали на конвейере. Писатель – прежде всего ремесленник и уже во вторую очередь романтический искатель неведомого.

Но вернемся к истории.

Литературная идиллия застоя («писатель пописывает, читатель почитывает») прекратила свое существование в девяностые. Издательства рухнули. Редакторы разбежались. Читатели занялись вопросами выживания, было не до книг во времена, когда зарплату платили кофтами и кастрюлями. Остались одни писатели. Последнее и позволило Андрею Немзеру сказать в своей итоговой ста-

тье 2000 года «Замечательное десятилетие» («Новый мир», № 1, 2000 г.), что девяностые были эпохой отдельных писателей.

Нулевые же все единодушно называли точкой запуска. Тогда думали, что все обошлось, впереди светлое капиталистическое будущее. Рынок, конкуренция, построение вертикали. Неожиданно потребовались новые имена и отечественный литературный продукт маркой повыше, чем «Бешеный» и «Бешеная». Оказалось, высоколобая российская литература нужна за пределами маргинальных «толстяков». То были издательские годы.

Но вот пошло второе десятилетие XXI века. Романтика первых писательских и издательских восторгов поухля. Стало ясно, что обнародовать текст мало. Его надо привести в порядок. Довести до нужной кондиции. Тон задавали в литературе не издательства, не писатели, а редакции, выпускавшие текст в надлежащей аранжировке, проталкивавшие его вперед и вверх к премиальным высотам. И люди привыкли: что из редакции вышло, то и литература. Так, в общем-то, последние лет полтора и было. Но возник в связи с появлением Всемирной паутины еще один дополнительный смысл. Без редактора и редакции – это так, самиздат, графомания.

Каким будет следующее десятилетие?

На первый взгляд основная задача современной российской литературы ясна. Она, как справедливо замечает Павел Басинский («У нас нет литературы?» – «Российская газета», № 209, 19.09.2017), состоит в том, чтобы вернуть читателя.

Как-то привыкли считать, что за читателем бегать не нужно. Во-первых, не барское это дело – унижаться, заискивать. Мы – творцы! А это кто там? Толпа, смерды. Пускай Бушков за ними бегают с Марининой. Они – продажные. А мы – за чистое искусство. В нашем понимании

литературы такой категории как читатель нет. Отсутствие читателя – признак высокохудожественности. Во-вторых, думалось идеалистически, что если текст хороший, то народ сам повалит, начнет расхватывать его как горячие пирожки. Но текст, что горячий, что холодный, – по рукам не расходился.

Из-за убеждения в ненужности читателя начали опять по привычке ругать человека читающего – все, мол, его тянет на ванькину литературу, а то и вовсе к телевизору и в соцсети. Между тем, стоило бы оборотиться на себя. Современная российская проза привыкла обходиться без читателя. И последний чувствует писательское недружелюбие, исходящее от текстов: снобизм, высокомерие. В произведениях современных российских авторов в большей степени нет интересных ему тем, нет узнаваемых героев, нет волнующей его проблематики. Вся современная российская литература – это сплошное «ни уму, ни сердцу», «тихо сам с собой я веду беседу». Ведешь и веди, что тут еще на это скажешь?

Наконец, в большинстве своем проза оказалась явно вторичной по отношению к общественным дискуссиям. Она не задает тон, а следует за ними, повторяет их в околохудожественной (иначе не скажешь) форме. Понятно, что актуальную социальную проблематику литература должна поднимать на качественно иной уровень. Но вместо этого мы наблюдаем прямой слив форумных дискуссий непосредственно в текст. Читать это, конечно же, не имеет смысла. В газетах все есть, и объем времени для освоения статьи куда меньше, а эффект больше. Да и люди комментарии на сайтах пишут остроумнее, точнее, хлеще, многократно глубже. Из художественной литература стала даже не публицистически заостренной, а просто колоночной. Такой же вялой, рыхлой, абстрактной, лишенной наглядности и доказательности.

И все же читатель необходим. Без него никуда. Момент ответственный для литературы. Пора спускаться на землю, пора идти к людям.

Поэтому сейчас литература стоит перед дилеммой – как читателя заполучить: охмурить, обдурить его, пустив в ход рекламные технологии, или, напротив, в открытую обратиться к нему и убедить в своих искренних намерениях, продемонстрировав все свои возможности.

Пиар или читатель – таков выбор, который должна совершить литература здесь и сейчас, определив свое дальнейшее будущее. Писателю, конечно, лучше бы выбрать читателя. Только он придает смысл существованию автора, задает систему симпатий и антипатий, парадигму смыслов, окружающих авторский текст. Каждый автор может найти своего читателя, который будет любить его таким, каков он, писатель, есть, со всеми взлетами и падениями, озарениями и избитостями. Выбрав пиар, автор получит абстрактную аудиторию, с которой все отношения безличностны, односторонни и строятся по классической марксистской схеме «товар-деньги-товар».

Абсолютизация пиара (в определенных рамках он, естественно, необходим) – смерть литературы. Да, правы те, кто говорит о том, что раскрутить абсолютную ерунду невозможно. Но это вопрос времени, техники, методики и условий. Искусство давления будет со временем совершенствоваться. А безальтернативность выбора заставит людей поневоле искать даже в самых дурных текстах что-то хорошее. Нужно лишь правильно вести осаду. К этому сведется вся литература. И тогда писатель как творческая единица станет совсем не нужен. Мы уже на пороге этого. Продаются не книги – имена, из имен слагают образ современной литературы. Читатели начинают откликаться на фамилии, даже не на тексты. Писательская литература девяностых трансформируется в брендовую и

проективную. Функция автора – быть лицом бренда. Акунин, Пелевин, Сорокин, Иванов. Чтение становится потреблением ярлычков. Оно – маркер социального статуса.

Но пока все не зацементировалось, можно констатировать, что все идет естественным путем. Тон в литературном процессе задают не группы, не пиар-агентства, в которые вознамерились превратиться вчерашние редакции, а некие общие тенденции.

Поэтому, говоря о будущем и настоящем, следует остановиться на процессах, а не на субъектах. В современных условиях бесполезно пытаться выделить и обозначить течения и направления. Все разбрелись по своим углам, да и последовательности в своих предпочтениях никто по большому счету от авторов не требует. Время литературных группировок и объединений по эстетическим принципам миновало. Нынче свобода. Пиши как хочешь, в любом жанре и произвольной манере. Одну вещь так, другую иначе. За таким писателем, для которого всякий художественный метод по плечу и подбирается под задачу, а не раз и навек, – будущее.

В литературе настал конец идеологии (эстетической). Нет еретиков и правоверных. Можно перебегать из мейнстрима в детектив и фантастику, из реализма в постмодернизм. Писатель должен быть на все руки мастер. И рассказов хороших ведро настругать, и роман отличный построить. Специализация не приветствуется. А если и возникает, то опять по велению сердца или из соображений верности имиджу.

Попытка рассовать сейчас всех авторов по сусекам дело бесполезное. Если же они как-то разделяются и объединяются, то даже не по политическим убеждениям, а по своячеству и землячеству.

То есть на первый взгляд у нас все как у людей – свобода и неразбериха. Но разница все-таки имеется. Там,

у них, в Европе и Америке, постмодернити и заслуженный праздник непослушания, а у нас – родоплеменной быт и разгуляй. Неформальные отношения важнее формальных. А точнее сказать, у нас все формальные отношения надстраиваются над неформальными. Кто свой, тот и писатель. Приятный в общении человек обязательно талантлив. А вредный и неуживчивый, понятное дело, – бездарь.

Примитивизм общественных отношений, построенный на симпатиях и антипатиях, задает соответствующую картину литературных нравов. В ненадежном обществе лучше опереться на друзей и родственников. Литература от общества не отстает. Ну какие тут эстетические принципы?

Вот поэтому и следует в разговоре о современной российской литературе начинать с азов – с деления на тех, кто готов сам выйти к читателю, и на тех, кто предпочитает работать над имиджем Оза Великого и Ужасного. Вот собственно литература, а вот болванки для раскрутки.

Тем не менее тенденции развития литературы затрагивают и ту, и другую модель. Просто в каждом случае мы будем иметь перед собой различную литературную картину и, скорее всего, совершенно разный набор имен.

О каких же тенденциях идет речь?

Первое, о чем следует сказать: время так называемой большой (по объему и размаху тематики) литературы прошло. И если уж Толстой наше все и по нему хочется себя сверять, тогда следует признать: романский Толстой закончился. Наступило время Толстого народных рассказов. Катастрофа с «Калейдоскопом» Сергея Кузнецова и «Джазом» Ильи Бояшова это подтвердили. Не надо глобальных проблем человечества и историософии. Давайте о чем-нибудь потеплее, почеловечнее: о семье, о детях, о работе.

Больше всего утомили романы про судьбу России. Только младенцы, наверное, не знают, что она была тяжелой. Авторы с упорством, достойным лучшего применения, продолжают выпекать толстые тома о «жизни и судьбе», «войне и мире», «хождении по мукам». Большевицкий переворот, братская бойня в Гражданской войне, ГУЛАГ, ужасы тоталитаризма, 91-й год и большое предательство. Пора завязывать. Следует переходить к чему-то более художественному, менее публицистичному, менее политизированному. Хотя бы потому, что политизированность задает типовой формат такого рода произведений, главное содержание которых составляют бесконечные разговоры с неизменными ариями то одного, то другого героя на тему «до чего Россию довели».

Прозаические дискуссии «что же будет/было с Родиной и с нами» повергают в уныние независимо от того, повесть перед нами («Полет совы» Михаил Тарковский), или роман (Петр Алешковский «Крепость»), громадное полотно с вековым охватом (Алексей Слаповский «Неизвестность») или конспект большого романа, охватывающий тот же промежуток (Александр Снегирёв «Вера»). Вся эта эпохальщина, ширь и безмерный объем страниц с красноармейцами и белогвардейцами, мужиками, бабами, чекистами, гэбистами, вертухаями или без оных, с одними интеллигентами, напоминает порядком затянувшийся кошмар. Беда таких книг в том, что, стараясь достучаться до читателя, они добиваются совершенно обратного результата. Слишком явственно ощущение глубокой вторичности, бега по замкнутому кругу.

Абстрактная проблематика выработана уже не просто до пустой породы, до какой-то пыли, трухи. Живое подтверждение тому – последний роман Максима Кантора «Азарт», прошедший мимо глаз и ушей, это притом, сколько копий было сломано вокруг предыдущих его

произведений. Иносказание последних трех десятилетий нашей жизни. Но кому это интересно? Все про нее знаем. По той же причине не выглядят убедительными, необходимыми (а настоящая книга должна быть таковой) новые романы Андрея Понизовского «Принц Инкогнито», Ксении Букши «Рамка», Ольги Славниковой «Прыжок в длину». Да и «Стален» Юрия Буйды выделяется из этого ряда «исследований жизни и характера» лишь благодаря мастерству рассказчика.

Литература начинает обращаться к конкретной проблематике. Правда, в несколько утрированном, упрощенном виде, как бы подражая типовому западному образцу, в виде произведений о так называемых национальных меньшинствах, гомосексуалистах, больных СПИДом, инвалидах. Большая часть населения России опять оказывается за пределами художественных текстов только потому, что авторов интересуют нетипичные случаи.

Проблема Анны Козловой, Анны Старобинец или получившей недавно премию «Лицей» Кристины Гептинг в том, что они сенсационность, эпатажность, вызов традиции ставят выше чисто художественных задач. Это пластиковые по своему характеру, содержанию тексты, которые легко раскрутить. Но стоит ли их читать?

Будущее за крепкой качественной беллетристикой с самой разнообразной тематикой. За так называемой миддл-литературой. Там есть ощущение жизни, поиск новых тем, ракурсов, героев, необычных ситуаций. Гузель Яхина, Дмитрий Глуховский, Наринэ Абгарян, Валерий Бочков, Анна Матвеева движутся в правильном направлении. Но вот как они это делают... С точки зрения качества книги их оставляют желать лучшего. К тому же нормальные добротные сюжеты по-прежнему отравлены, изуродованы так называемыми вечными вопросами. Для пиара, конечно, сойдет и так. Но здесь и начнется

точка расхождения между настоящей книгой и «куклой» для читателя. Пластиковая пустышка, нечто абсолютно неправдоподобное, но сработанное по всем правилам и в соответствии с веяниями современности, не должна раз за разом предлагаться читателю как «лучший роман».

Будущее за книгами о так называемом обычном человеке и его проблемах: о враче и учителе, водителе такси и следователе прокуратуры, о современной молодежи. За книгами, в которых автор демонстрирует знание той области, о которой берется рассказать читателю.

Конкретность связана с правдоподобием. Но о какого рода правдоподобии можно говорить, если в подавляющем большинстве наших произведений отсутствует главная тема российской действительности – тема денег. Герои российской прозы живут как Крезы, не знают бед. Даже в таком формально близком к реалиям бизнеса романе как «Патриот» Андрея Рубанова миллионы берутся почти из тумбочки.

Бедность, нищета или, напротив, роскошь. Какой широкий простор для развития действия, многообразия характеров! Так было в русской классике. Куда все это ушло? «Бедные люди» современную прозу не интересуют. Бедность и богатство – не предмет анализа и осмысления, а так – декорация.

Второе. Проза становится менее политизированной, более социально ориентированной. Не просто начинает обращаться к тем или иным общественным проблемам, а демонстрировать социальный масштаб мышления. Одна из последних таких книг – роман Сергея Солоуха «Рассказы о животных». Диагностика социального нездоровья – через конкретную человеческую судьбу, на примере жизни поколения, чья бесприютность и бытовая неустроенность говорят много больше, чем бьющая в лоб политическая пропаганда.

Впрочем, пока это скорее исключение из правила. Громко обсуждаемая книга Алексея Иванова «Ненастье», напротив, социальной меркой не обладает. Анархист в душе, он так и остался в выдуманной вольной эпохе девяностых.

Во многих российских книгах окружающего общества словно и нет, романы, повести и рассказы разворачиваются вне четкой фиксации социального пространства и времени. С ходу так и не скажешь, какой год на дворе.

Другой момент – сами авторы лишены четкого представления о социальном идеале, который бы хотели отстаивать.

Третье. Все ждут прозу яркую. А она становится все более блеклой и невыразительной. Не от отсутствия таланта. А потому что так теперь надо, без фанфар и пестроты. Потому что время такое. Туманное, неопределенное, без подвигов и героев. Потому что яркость характеров – это ложь, нечто не соответствующее действительности. Новый герой – не стахановец, не хулиган с золотым сердцем и не крепкий мужик с передовой. Обычный, слабый, ошибающийся человек, реально стремящийся к добру и его не достигающий.

Сравнения, описания в новой литературе также не имеют большого значения. Красоты языка в описании все больше отдают упражнением в технике. Литературе трудно соперничать в плане изобразительности с камерой. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, в данном случае прочитав. Эмоциональный, прочувствованный пейзаж – да, по-прежнему имеет значение, но описание ради описания как в старых романах, удовлетворявших любопытство читателей в дотелевизионную эпоху, теряют свой смысл и значение. Нагромождение эпитетов и сравнений теперь можно скорее считать признаком второсортной литературы.

Четвертое. Современной прозе больше пристал интеллект, чем половодье чувств. Ума и логичности российской прозе не хватает катастрофически. Привыкли писать навзрыд, на сердечный разрыв, нагромождая картонные ужасы. Одолевать читателя аргументами житейской мудрости, оправдывающей любое прозябание в нищете и разрухе. Все, что есть умного в книжках, почерпнуто либо у пацанов со двора, либо опять-таки вычитано в Интернете. Мелькнет где-нибудь меткая мысль у автора, и он тут же ее стыдливо словесной шелухой прикроет, застесняется – совестно быть умным среди приличных людей. Какой тут может быть новый Достоевский? Умный человек не боится противоречий и несообразностей, потому что уверен в том, что все в итоге придет к синтезу.

У нас же либо бесконфликтность, либо никакого синтеза, увязывания концов и начал. Писатель, мыслитель и мудрец, – большая редкость. Автор, сознающий или хотя бы интуитивно понимающий, что мышление парадигмально, что форма должна согласовываться с содержанием, – большая редкость. «Я эмоционал, а не интеллектуал», – говорит Леонид Юзефович. Эмоционалы правят бал в российской литературе. Что ж хорошего? В приливе чувств теряется логика, царит эклектика.

В такой ситуации все разговоры о реанимации производственного романа и деревенской прозы – дело совершенно пустое. Потому что оба этих феномена представляют собой целостную мировоззренческую и эстетическую парадигму. Нельзя просто рассказать о заводе или деревушке – и на этом основании сделать вывод: вот – реанимация жанра. Православная литература, о которой полтора десятилетия назад так много говорили, споткнулась на этом же. Для художественного текста важна определенная картина мира, система ценностей, а не хаотичный набор деталей и внешней атрибутики. От

того, что герой книги батюшка, она не становится православной (может выйти и совершенно обратное, как, например, в «Отце Сергии» Толстого).

Наконец, и то, и другое целиком и полностью осталось в советской эпохе. Мы живем в другое время. Производственный роман как таковой у нас теперь невозможен. Этот эстетический феномен – плод марксистской философии и советского образа жизни. Возможна имитация, стилизация, когда речь заходит о соответствующем времени, как, например, в романе «Город Брежнев» Шамиля Идиатуллина. Всерьез повторить не получится. Почему? Это хорошо видно на примере романа Игоря Савельева «Зевс». Труд, работа перестали быть смыслом жизни и основной ценностью как для общества, так и для индивида. Внимание рассеяно, жизнь мозаична, а не целостна и иерархична. Труд потерялся где-то между дружбой, очередной женщиной, семейными неурядицами, решением финансовых вопросов (оно с трудом точно не связано) и поисками смысла жизни. Идея созидания, или, не дай бог, преобразования неактуальна для общества, живущего торговлей и собирательством.

Но роман о деле в российской прозе, в духе какого-нибудь Артура Хейли, вполне возможен и, может быть, даже в какой-то мере необходим. Серьезный, с хорошим знанием нюансов и проблем, потому что только в этом случае возникает убедительный и логичный текст, а не веселые зарисовки из жизни офисных работников и журналистов. Пока же в своем нынешнем состоянии отечественные авторы пишут исключительно о бездельниках, паразитах, которые живут на седьмом облаке и рассуждают о какой-то абстрактной ерунде, вопросах, давным-давно решенных русской классикой.

Нет будущего у деревенской прозы. Она вообще была тупиковой ветвью развития. Таким официально

дозволенным видом диссидентской литературы. Но советский период миновал, нет смысла прикрываться дедовским тулупом для того, чтобы рассуждать о Боге, морали и почве. Тематически произведения о деревне будут всегда, пока она стоит, но деревенская проза невозможна и не нужна. Она – пройденный этап. В том числе и с мировоззренческой точки зрения. Главный изъян ее – в отождествлении вневременного с конкретно-историческим, национального – с классовым. Цивилизация сделала нас манкуртами, и только в деревне живет чистый, светлый, нетронутый и не испоганенный народ – вот к такому стереотипу свелась вся деревенская проза. Понятно, что «деревня» всегда была метафорой почвы и традиции, культуры, а не цивилизации, целостности разума и души, а не интеллектуальной и технической односторонности. Но у последователей Белова и Распутина метафоричность испарилась, и они впрямь стали считать архаичный и вовсе не такой уж традиционный и благополучный деревенский мир – нравственным идеалом. В таком изводе деревенская проза не просто превратилась в набор штампов и клише, она стала знаменем в борьбе с будущим и современностью. Деревня между тем нуждается в изучении, а не в восхищении. И вот таких романов о деревне, написанных беспристрастно, без излишней карамельной любви к родной сторонущке, хотелось бы получить.

Пятое. Закат премиальной эпохи в литературе. В настоящий момент уже ясно, что литературные премии себя не оправдали. Лучшего не отбирают и потому чтение не пропагандируют, литературу не популяризируют. Вместо демократизации литературы, привнесения духа конкуренции, соревнования, они превратились в инструмент сословного отбора. Стали средством не расширения, а, напротив, сужения литературного пространства. Премии – показатель не литературных перспектив

и реальных достижений, а литературной конформности. Совпадение же со вкусами жюри – соответствие иллюзорному представлению о литературе, существующему в их сознании, не более того. Для читателя они не являются надежным ориентиром в море современной отечественной прозы. Поэтому читательская литература станет литературой без премий, в том плане, что они не будут иметь в ней решающего значения. Лучшая премия для автора здесь – читательский рубль и внимание.

В условиях нормальной литературной ситуации можно было бы говорить о необходимости появления новой литературной премии, в которой отмечались бы авторы добротной миддл-литературы (последнее облегчило бы работу другим премиям, которые избавились бы от необходимости включать в списки беллетристику). Но в данный момент это приведет лишь к тому, что будет создан еще один шесток для ограниченного круга лиц.

Шестое. Нынешняя литература живет в режиме слабого интереса со стороны критики. Неожиданно оказалось, что критики у нас нет. Большинство пишет хронику текущего процесса. Не размышляет, а описывает и констатирует. Распространяют информацию. Продвигают тексты. При этом почти никогда их не разбирают и не оценивают по существу.

Ситуация в будущем может стать угрожающей. Не только потому, что критиков становится меньше. Не боги горшки обжигают, из молодых и не очень ребят и девчат можно всегда кого-нибудь найти. Проблема заключается в другом – в отсутствии общей потребности в тех, кто мог бы заниматься анализом, рецензированием и оценкой.

У критиков репутация хищников. Нападают на стада, губят редкие и вымирающие виды прозаиков и поэтов. Но хищники – санитары леса, разбираются с больными и немощными особями, улучшая тем самым породу. Лет

через пять, скорее всего, делать это будет некому, потому что негде. Критика в толстых журналах, особенно та, что проходит под видом рецензий, абсолютно потеряла свой смысл. Она катастрофически запаздывает. Отклики на публикацию, книгу появляются там уже тогда, когда те стали историей. Количество интернетных площадок для критиков сокращается. Анна Наринская и Галина Юзефович на недавнем публичном обсуждении «Литература и критика» долго блуждали среди одной сосны – сайта «Горький», уверяя публику в обратном.

Дело действительно обстоит нехорошо, потому что в большинстве своем критика свелась даже не к рецензированию, а к информированию. Между тем, без критика невозможна читательская литература. Критик провоцирует обсуждение, задает его планку. Но ведь в ходе обсуждения могут возникнуть и неприятные для автора и издательства моменты. Нужна ли подобного рода отрицательная реклама? Поэтому пиар-литература, вне всякого сомнения, окончательному падению критики возрадуется.

Седьмое. Мы вступили в эпоху одноразовой литературы. Мало кто сознается в том, что пятисотстраничный роман ныне пишется для однократного прочтения. Большинство больше никогда его не перечитает. Во-первых, потому что новые книги продолжают выходить, и нет необходимости брать в руки старые. Во-вторых, книга элементарно устаревает, и процесс ее старения идет в современный период темпами куда большими, чем раньше. В-третьих, она так написана, что любоваться ею и вновь обращаться к прочитанному не имеет смысла. На этом «в-третьих» и построена пиар-литература, которая держится принципа «одноразовое – значит плохое». Зачем стараться, когда всего-то надо спихнуть текст один раз.

Но нет никаких оснований считать, что предмет однократного употребления обязательно должен быть некачественным. Написание книг – вопрос профессионализма. Отчего бы профессионалу не выпекать одну за другой с одинаковым результатом, просто потому, что иначе он не может. Станет текст перечитываемой классикой или нет – всегда большой вопрос. Для любого автора и издателя важно, прежде всего, первое и во многих случаях единственное прочтение. Нынче борьба идет за первый раз. У тех авторов, которые работают на постоянной основе, таких первых разов должно быть максимально много. И читатели ждут нового первого раза.

В одноразовом мире требование качества распространяется на всех. Без него невозможна современная литература.

Восьмое. Поскольку литература – процесс, в ней должно быть постоянное обновление. Сейчас его практически нет. Разговоров о молодежи много, но по-настоящему в ней никто не заинтересован. Здесь следует напомнить для ясности, что молодость автора измеряется не его физическим возрастом, а фактом написания и издания первой книги. Последнее можно сделать и в шесть лет, и в шестнадцать, и в шестьдесят. Молодой – значит начинающий. Поэтому смысл премий «Дебют», а теперь «Лицей» остается непонятным с точки зрения читательской логики, но вполне ясным в контексте понимания литературы как пиара. Выбрать лицо помоложе и ехать на новом бренде, не меняя ничего лет пятьдесят. Примечательна сама риторика: ищут не писателей, ищут имена. Было бы имя, а текст найдется.

Впрочем, главная трагедия современного момента заключается в том, что и читатель уже отучился от ожидания новых авторов. Новые, значит еще, а нам много не надо – вот в таком духе привык он жить. Для него вся

современная российская литература – новая. Вот Толстой, Чехов, Гоголь с Достоевским – куда более? А тут еще нарождаются.

Страх обновления – основной мотив современной литературы. Издатели боятся за деньги. Именитые писатели – за место под солнцем. Чиновники – за то, что все выйдет из-под контроля, приведет к разрыву с традицией. Но процесс все равно идет, его не остановить, он объективен и не зависит от чьей-то воли. Завтра рождается уже сегодня, хочется нам этого или нет. Можно затормозить его, направить по другому руслу, игнорировать, извратить. Но тем уродливее будет послезавтрашний день.